

НОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПО РЕГИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКЕ

Для цитирования: Минакир П. А. Российское экономическое пространство. Стратегические тупики // Экономика региона. — 2019. — Т. 15, вып. 4. — С. 967-980

<https://doi.org/10.17059/2019-4-1>

УДК 332.12; 332.14; 338.2

П. А. Минакир

Институт экономических исследований ДВО РАН (Хабаровск, Российская Федерация; e-mail: minakir@ecrin.ru)

РОССИЙСКОЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО: СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ТУПИКИ¹

В 2014 г. в России был принят закон о стратегическом планировании. В соответствии с ним в 2015–2017 гг. разрабатывались стратегии развития регионов, а в 2018–2019 гг. — национальная стратегия пространственного развития, которая конфликтует с региональными стратегиями, с одной стороны, и с фундаментальными постулатами экономической теории пространственного развития — с другой. Автор рассматривает совокупность этих конфликтов и оценивает их возможные последствия. В статье используется метод сравнительного анализа особенностей (для российских условий) и теоретических откликов моделей пространственного развития на предлагаемые в стратегии решения. Автор показывает, что ни по одному фрагменту концепции (максимизация агломерационных эффектов, выделение приоритетных регионов, формирование однородных макрорегионов, подавление экономической и социальной неоднородности, максимизация уровня конкурентоспособности регионов) в стратегии не достигается соответствия предлагаемых решений каноническим теоретическим концепциям (концепции размещения фирм и отраслей, модели пространственного развития и роста, концепции пространственного разнообразия и неравенства, принципы и формы региональной государственной политики). Выделенные в стратегии основные направления развития в пространственном аспекте формально соответствуют постулатам, традиционно рассматриваемым в теоретических моделях регионального развития. Но эти направления либо реализуются в рамках инерционного развития пространственной системы РФ, либо модифицируются под воздействием особенностей экономического и географического пространства России, а эти модификации не принимаются во внимание в стратегии. Это приводит к возникновению конфликта между объявленными в стратегии целями и реальными проблемами функционирования российского экономического пространства в аспектах социально-экономического неравенства, максимизации эффектов агломерации и региональной ренты, конкурентоспособности субъектов Федерации и т. д. Особое внимание уделяется в статье рассмотрению проблемы формирования объекта стратегического пространственного планирования. Автор показывает, что продуктивная стратегия возможна только в случае представления экономического пространства как системы взаимодействующих экономически регионов, а не аддитивного множества административных регионов.

Ключевые слова: стратегия, концепции, теория, региональная политика, пространство, регионы, агломерации, специализация, магистральный транспорт, полюс роста, цели, фундаментальный конфликт

Введение

Настоящая статья посвящена анализу и оценке содержания Стратегии пространственного развития РФ (СПР), разработанной во исполнение закона о стратегическом планиро-

вании², которая утверждена в феврале 2019 г. Ранее, в июле 2018 г. был опубликован проект этой Стратегии, который стал объектом жесткой критики, связанной с обнаружившимися

² О стратегическом планировании в Российской Федерации. Федеральный закон от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ. С доп. и изм. [Электронный ресурс]. URL: <http://base.garant.ru/70684666/> (дата обращения: 07.02.2019).

¹ © Минакир П. А. Текст. 2019.

рассогласованиями региональных и национальной стратегии в части приоритетов, задач, ресурсов, механизмов. Во многом эти рассогласования были предопределены погрешностями самого закона о стратегическом планировании, который предусматривал подготовку национальной стратегии в 2018 г., а региональных стратегий — начиная с 2015 г., хотя закон предписывал примат общенациональной стратегии над региональными разработками.

В результате проект СПР РФ обнаружил глубокую пропасть между предлагавшимися в нем решениями финансового, организационного и политического характера, а также их последствиями и теми, которые описывались в уже утвержденном правительством множестве стратегий субъектов Федерации, между ожиданиями субъектов Федерации и опубликованными федеральными намерениями. Утвержденная в феврале 2019 г. Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года¹ имеет некоторые текстуальные отличия от проекта, но полностью идентична с ним в области общей идеологии, основана на той же методологической платформе, несет в себе те же системные проблемы и столь же уязвима.

В статье анализируются объективные причины этой уязвимости, для чего сопоставляются принятые в стратегии решения с каноническими концепциями пространственного развития, вырабатывавшимися в течение многих десятилетий на основании богатого эмпирического материала как в России, так за рубежом. При этом автор исходит из бесспорности высокой квалификации работавших над СПР экспертов [1, с. 137], но учитывает, что идеи и разработки, заложенные в стратегию, не могли быть свободны от вкусовщины и амбиций тех или иных властных заказчиков стратегии. Вполне отдавая себе в этом отчет, будем, тем не менее, стараться анализировать собственно конечный документ, ибо он, и только он претендует на то, чтобы быть руководством к действию.

1. Объект стратегического планирования

Одной из главных проблем является обоснование (или хотя бы описание) причины, по которой преобразование системы «развива-

¹ Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года. Утв. Расп. Правительства Российской Федерации от 13 февр. 2019 г. № 207-р [Электронный ресурс]. URL: <http://static.government.ru/media/files/UVAIqUtT08o60RktoOX122JjAe7irNxc.pdf> (дата обращения: 6.03.2019).

ющееся социально-экономическое пространство» (или просто ее функционирование) не может осуществляться без выработки специальной стратегии. В самой СПР в явном виде ответ на этот вопрос отсутствует, более того, не существует даже явного определения объекта стратегического планирования. Разработчики СПР утверждают, что в Стратегии-2025 осуществлена «разработка стратегии именно пространственного, а не регионального развития», уточняя, что «основной акцент сделан на разные типы территорий без оглядки на границы субъектов РФ» [2, с. 150]. Но в действительности такая особенность объекта проявляется лишь в изменении терминологии в основной части текста СПР, в которой разработчики действительно тщательно избегают использования термина «субъект Федерации», прибегнув к нему при описании лишь одного из 21 пунктов, в которых излагаются задачи, приоритеты и принципы реализации стратегии². Но уже в приложениях, конкретизирующих общие декларации задач, принципов и направлений, термин «субъект Федерации» становится основным³.

Очевидно, в выборе объекта проявилась, как и в целом в тексте СПР, двойственность самого процесса разработки стратегии, когда «все хорошее в СПР сделано экспертами, все сомнительные решения — на совести властей высокого уровня, курировавших разработку» [1, с. 137]. Эта двойственность, скорее всего, и обусловила выбор наиболее комфортного для «властей высокого уровня» пространства как совокупности административных регионов, которые де-факто и являются объектом стратегического планирования.

Настойчивое желание экспертов с помощью использования термина «территория» обозначить в качестве объекта стратегического планирования не административное, а «абстрактное экономическое пространство» вполне объяснимо. Но для этого предметом анализа и стратегического планирования должен был бы

² Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 г. Утв. Расп. Правительства Российской Федерации от 13 февраля 2019 г. № 207-р [Электронный ресурс]. С. 8–10. URL: <http://static.government.ru/media/files/UVAIqUtT08o60RktoOX122JjAe7irNxc.pdf> (дата обращения: 6.03.2019).

³ Например, в приложении 1 и 2 к СПР перечислены в качестве объектов стратегического планирования все субъекты РФ, в приложении 3 — административные центры субъектов РФ и муниципальные образования, а в приложении 4 — список субъектов РФ, которые отнесены к геостратегическим территориям.

стать «фундаментальный конфликт», то есть взаимодействие противоположных тенденций (концентрации и децентрализации), определяющее пространственное развитие [3]. Но не это является предметом рассмотрения в СПР.

Впрочем, ранее нами было показано [3], что и административные регионы (субъекты Федерации) являются вполне адекватным объектом анализа одного из классов пространственных структур в рамках условных проективных преобразований (отображений) абстрактного экономического пространства [4]. Но важным условием при этом является представление экономического пространства как системы межрегиональных взаимодействий, подчиняющейся закону обеспечения структурного равновесия [5, 6]. Это позволяет рассматривать как критическое условие содержательности пространственного экономического анализа не форму границ, а продуктивность элементов пространственных экономических структур. Однако в тексте СПР межрегиональные взаимодействия вообще не рассматриваются, а вместо кооперативной продуктивности фигурирует статистический суррогат — «доля ВРП субъекта Федерации в ВВП страны».

Поэтому фактически в качестве «российского пространства» в СПР рассматривается аддитивное множество субъектов Федерации, то есть совокупность экономических деятельностей, локализованных в пределах административных границ. Это и является материальной основой вышеупомянутого конфликта стратегий. Субъекты Федерации отстаивают свои стратегии, имеющие четко обозначенный объект, а национальная пространственная стратегия такого объекта вообще не в состоянии сформулировать. Это вполне объяснимо сказало и на определении цели стратегии.

Конечно, необходимость разработки стратегии пространственного развития России определена в вышеупомянутом Федеральном законе¹. Но само по себе это ничего не говорит о содержательности такой стратегии. Закон может (хотя и не должен) содержать ошибочные нормы. Но стратегия сама по себе как наилучший путь (способы, инструменты, ресурсы) достижения строго определенных целей развития той или иной системы должна содержать недвусмысленное определение этих самых целей, вытекающих из объективного анализа проблем функционирования планируемой си-

стемы и способности ее прийти в состояние, желательное для разработчиков и/или заказчиков, без применения специальных методов стратегического управления.

Проблема целеполагания в СПР не менее серьезна, чем проблема определения объекта планирования. Целями национальной стратегии пространственного развития объявляются «обеспечение устойчивого и сбалансированного пространственного развития Российской Федерации, направленного на сокращение межрегиональных различий в уровне и качестве жизни населения, ускорение темпов экономического роста и технологического развития, а также на обеспечение национальной безопасности страны»². В самой Стратегии, правда, не раскрывается содержание термина «пространственное развитие», и это заставляет прибегнуть к альтернативным трактовкам.

Во-первых, этот термин можно трактовать как множество характеристик (показателей) экономического и социального характера, регистрируемых в каждой точке и/или определенным образом ограниченной области пространства, совокупность которых образует общенациональные значения соответствующих характеристик (пространственная матрица). Как отмечалось выше, в СПР точка (область) пространства отождествляется с географическим пространством, заключенным в границах субъекта Федерации.

Во-вторых, этот термин может подразумевать разложение национального макроэкономического агрегата в административном пространстве или «свертку» макроэкономического агрегата (агрегатов) субъектов Федерации в национальный агрегат (агрегаты). В этом случае, следовательно, речь идет о пространственном векторе.

Целью развития пространства-матрицы является «сокращение межрегиональных различий в уровне и качестве жизни населения», то есть преобразование пространства как «среды обитания» для экономических агентов и социума — выравнивание уровня социально-экономического развития субъектов Федерации и обеспечения равенства в доступе к общественным (в том числе государственным) благам и услугам при приоритетном решении этой задачи для «геостратегических регионов».

¹ О стратегическом планировании в Российской Федерации. Федеральный закон от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ. С доп. и изм. [Электронный ресурс]. URL: <http://base.garant.ru/70684666/> (дата обращения: 7.02.2019).

² Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года. Утв. расп. Правительства Российской Федерации от 13 февр. 2019 г. № 207-р. С. 7–8 [Электронный ресурс]. URL: <http://static.government.ru/media/files/UVA1qUfT08o60RktoOX122JjAe7irNxc.pdf> (дата обращения: 6.03.2019).

Целью развития пространства-вектора является «ускорение темпов экономического роста и технологического развития» или обеспечение «прорывного научно-технологического и социально-экономического развития страны в целом» [2, с. 149]. То есть, речь идет о максимизации «пространственной ренты» в терминах прироста макроэкономических и социальных индикаторов национального уровня.

Стратегия развития пространства-матрицы сводится к перераспределению общественных экономических ресурсов в пользу «экономически и социально угнетенных» субъектов Федерации при сосредоточении основной их части в критически важных с точки зрения обороны и геополитики субъектах Федерации. А стратегия развития пространства-вектора сводится к сосредоточению экономических ресурсов, в наиболее продуктивных, а соответственно, экономически и социально успешных, точках/областях пространства, что обеспечит ускорение экономического роста национальной экономики и повышение уровня его качества, что включает в себя структурную модернизацию внутреннего производства и экспорта.

Таким образом, фактически в СПР «защиты» две стратегии достижения целей развития (преобразования) двух различных по существу систем (объектов). Эти стратегии конфликтуют между собой из-за ограниченности общественных экономических ресурсов. Следовательно, даже предполагая необходимость достижения обеих сформулированных в СПР целей, логично было бы ожидать конструирования некоей смешанной стратегии, представляющей собой комбинацию ресурсных, институциональных, технико-технологических решений, направленных на достижение обеих целей. Однако никаких реальных механизмов и способов ранжирования приоритетов, перераспределения ресурсов в СПР не предусмотрено, как и вариантов решения проблемы конструирования адекватной институциональной среды, обеспечивающей реализацию той или иной стратегии пространственного развития [1, с. 137–138, 140–142, 144].

2. Задача выравнивания

Одной из четырех задач, которую необходимо решить до 2025 г., и одним из четырех основных направлений пространственного развития в стратегии определяется «сокращение уровня межрегиональной дифференциации в социально-экономическом развитии субъектов Российской Федерации и снижение вну-

трирегиональных социально-экономических различий»¹. Само по себе стремление к межрегиональной конвергенции вполне соответствует мейнстриму современной (и не только) региональной экономической политики.

Но важно при этом учитывать, что неравенство (в смысле темпов роста, доходов, качества жизни) является фундаментальным признаком экономического пространства, основанным на неравномерности локализации конкурентных преимуществ рентной и агломерационно-институциональной природы (или, в современной терминологии, первого и второго рода) [7]. Эта неравномерность особенно существенна для больших и экономически разреженных пространств, каковым в первую очередь является российское экономическое пространство [8]. Для России дополнительным существенным фактором неоднородности является неравномерность инфраструктурного обеспечения экономической деятельности разных территориальных подсистем [9]. Общей тенденцией при этом является сокращение в длительном периоде «базового неравенства» (и экономического, и социального) под влиянием как объективных трендов развития, так и активной перераспределительной политики государств [9–15].

Конечно, «смягчение» существующего среднего уровня межрегиональной дифференциации может быть целью государственной политики. Вопросом является то, насколько такая цель является стратегической, особенно в коротком периоде (горизонт стратегии — 7 лет). Такого вопроса не существует в случае, если речь идет о подавлении «сверхнормативной» межрегиональной дифференциации [16, с. 450–458]. Но в СПР нет указаний на «выбросы неоднородности», которые следовало бы купировать. Еще одним важным вопросом является тип дифференциации, с которым следует, по мнению разработчиков СПР, бороться стратегическими методами, учитывая при этом, что результаты должны быть получены в течение короткого периода.

Известно, что сравнительно быстро может проявляться только тенденция к социальной конвергенции — выравниванию доходов населения, так как основным инструментом сокращения неравенства в доходах является пере-

¹ Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года. Утв. расп. Правительства Российской Федерации от 13 февр. 2019 г. № 207-р. С. 8, 10 [Электронный ресурс]. URL: <http://static.government.ru/media/files/UVA1qUfT08o60RktoOX122JjAe7irNxc.pdf> (дата обращения: 6.03.2019).

распределительная политика государства (на региональном и национальном уровнях). В то же время тенденция к экономической конвергенции проявляется только в длительных периодах, так как происходит за счет миграции больших масс экономических ресурсов, формирования новых крупных агломераций, улучшения инфраструктурных условий, расширения ареалов повышенного качества человеческого капитала и т. п., что требует значительного времени.

В СПР, учитывая, что показателями выравнивания» выбраны «индекс человеческого капитала» для всех субъектов РФ (а) и среднедушевой размер ВРП для «геостратегических территорий» (б), речь идет именно об экономической конвергенции и поэтому неудивительно, что какого-либо прорыва в этом направлении и не предполагается. Сокращение с 36 % до 30 % разрыва между среднероссийским и средним по геостратегическим территориям душевым ВРП и уменьшение на 3 п. п. уровня дифференциации индекса человеческого капитала¹, конечно, невозможно считать прорывом, особенно учитывая, что в число «геостратегических» регионов² включен ряд отнюдь не «отстающих» (Сахалинская, Ленинградская, Новосибирская, Ростовская, Тюменская области, Красноярский край), что явно занижает уровень разрыва в 2017 г. и, напротив, завышает этот уровень для 2025 г.

Косвенно это является признанием невозможности решить задачу кардинального подавления экономического неравенства в коротком периоде, что делает честь разработчикам СПР. Кроме того, необходимо учитывать, что подавление межрегиональной экономической дифференциации, как правило, сопровождается увеличением внутрирегиональных различий в связи с тем, что «подтягивание» регионов (стран) происходит за счет появления в новых регионах (странах) полюсов концентрации, порождающих дифференциацию прежде однородных субпространств. Следовательно,

¹ Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года. Утв. расп. Правительства Российской Федерации от 13 февр. 2019 г. № 207-р. Прил. 5 [Электронный ресурс]. URL: <http://static.government.ru/media/files/UVA1qUtT08o60RktoOX122JjAe7irNxc.pdf> (дата обращения: 6.03.2019).

² 43 субъекта РФ без учета регионов, входящих в Арктическую зону // Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года. Утв. расп. Правительства Российской Федерации от 13 февр. 2019 г. № 207-р. Прил. 4 [Электронный ресурс]. URL: <http://static.government.ru/media/files/UVA1qUtT08o60RktoOX122JjAe7irNxc.pdf> (дата обращения: 6.03.2019).

преследование цели подавления экономического неравенства предполагает ясное представление не только о механизмах и ресурсах, необходимых для достижения такой цели, но и о допустимых интервалах этого явления.

3. Эффекты агломерации в пространственном развитии

Ускорение темпов роста национальной экономики за счет увеличения продуктивности используемых ресурсов, что является, как отмечалось выше, истинной целью СПР. Способом достижения этой цели в стратегии выбрано стимулирование эффектов агломерации. Этому посвящено третье по очередности упоминания в СПР, но не по важности в конструкции самой стратегии направление: «Обеспечение расширения географии и ускорения экономического роста, научно-технологического и инновационного развития Российской Федерации за счет социально-экономического развития перспективных крупных центров экономического роста Российской Федерации — крупных городских агломераций и крупнейших городских агломераций»³.

Процессы пространственной концентрации экономической деятельности как следствие стремления экономических агентов к размещению вблизи или в центрах концентрированным рынков хорошо известны и подробно описаны в различных теоретических концепциях [17–20]. Тяготение экономических агентов к сосредоточенному размещению в стремлении минимизировать издержки и максимизировать эффекты внешней (по Маршаллу) и внутренней (по Кругману) экономики от масштаба объективно ведет к пространственной концентрации производства и населения [17, с. 19].

В современной экономике, характеризующейся нарастающим влиянием постиндустриальных видов деятельности (отраслей), территориальная локализация полюсов роста в вышеуказанном смысле связана преимущественно с крупнейшими городами, предоставляющими «полюсам» дополнительные возможности в виде агломерационных эффектов, позволяющих существенно сократить производственные и транзакционные издержки, увеличив одновременно эффекты масштаба за

³ Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года. Утв. расп. Правительства Российской Федерации от 13 февр. 2019 г. № 207-р. С. 10 [Электронный ресурс]. URL: <http://static.government.ru/media/files/UVA1qUtT08o60RktoOX122JjAe7irNxc.pdf> (дата обращения: 6.03.2019).

счет предоставления высококонцентрированного рынка. Городские агломерации — полюсы создают пространственные сгустки экономической деятельности в результате трансляции новаций, ресурсов и институтов, генерирования новых бизнесов и видов деятельности в окружающей мегаполисы пространстве. Это соответствует теоретической концепции, согласно которой максимальная степень реализации агломерационных эффектов, формирующихся в результате концентрации экономических агентов, достигается в случае, если место такой концентрации (город) является центральным узлом экономического ландшафта или системы рыночных сетей (зон), связанных с «главным городом» [17, с. 137], что и стимулирует концентрацию экономических агентов, стремящихся к эксплуатации экономики от экономической деятельности в том или ином районе.

В России также формируется, а отчасти — уже сформировалась, поляризованная структура экономического пространства, в которой полюсами являются городские агломерации. Но существенные особенности географического и экономического пространств обуславливают важную специфику отечественного процесса гиперурбанизации. Скорее исключением, чем правилом, является трансляция экономических эффектов из мегаполисов в окружающую экономико-географическую периферию. Городские агломерации в весьма малой степени генерируют стимулы развития на периферии, всасывая в себя, но не генерируя вовне потоки населения и ресурсов. Можно сказать, что городские агломерации пока играют роль «черных звезд», всасывая в себя население и ресурсы, формируя в своих пределах рынки, что приводит к все более сильному искривлению пространства [21].

Это относится не только к крупнейшим мегаполисам. Во всех субъектах Федерации сформировались урбанистические полюсы, которые различаются по размерам, но одинаково замыкают на себя экономическую деятельность, не генерируя потенциал развития в окружающей периферии, а следовательно, стимулируют внутрирегиональное неравенство. «Провалы урбанизации» с точки зрения организации и развития экономического пространства могут быть чрезвычайно устойчивыми во времени и, похоже, это относится к российскому случаю. На наличие таких «провалов» указывалось еще в 1920-х гг., когда на сессии ВЦИК отмечалось, что далеко не все «большие городские центры действительно обладают формирующей спо-

собностью воздействовать на окружающую местность» [22].

Эти особенности ярко проявляются в условиях РФ, экономическое пространство и институциональная среда которой имеют ряд специфических черт. Это проявляется, в частности, в том, что из 14 городов-миллиоников и 40 выделенных в СПР крупнейших городских агломераций из-за наличия специфических барьеров в виде искаженной фискальной политики и структуры собственности «агломерационные преимущества наиболее сильно реализуются только в Москве и Санкт-Петербурге» [1, с. 137–138].

Но ведь в СПР в качестве центров экономического роста называются не 40 крупнейших городов, а много более 120¹. Вряд ли можно апеллировать к декларациям о необходимости в этих городах поддерживать высокотехнологические и наукоемкие отрасли производства товаров, услуг, творческую индустрию, кооперацию науки и вузов с бизнесом, развивать отрасли социальной сферы, содействовать выводу крупных промышленных предприятий из центральных частей городов, повышать качество и комфортность городской среды, развивать зеленые насаждения, снять транспортные ограничения для социально-экономического развития, сформировать единую градостроительную политику и т. п.². Но способы решения этой задачи являются предметом рассмотрения не национальной стратегии, но стратегии каждого конкретного города, сообразно его реальным проблемам, тенденциям, истории, ресурсам специфическим целям.

Действительно стратегическим вопросом является определение источника средств для достижения унифицированных в формате национальной стратегии целей в городах, а также для увеличения количество «агломерационных ядер» в национальной экономике. Однако в СПР каких-либо упоминаний о ресурсной базе агломерационного строительства нет. Это заставляет предположить, что

¹ Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года. Утв. расп. Правительства Российской Федерации от 13 февр. 2019 г. № 207-р. Прил. 3 [Электронный ресурс]. URL: <http://static.government.ru/media/files/UVA1qUfT08o60RktoOX122JjAe7irNxc.pdf> (дата обращения: 6.03.2019).

² Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года. Утв. расп. Правительства Российской Федерации от 13 февр. 2019 г. № 207-р. С. 21–23 [Электронный ресурс]. URL: <http://static.government.ru/media/files/UVA1qUfT08o60RktoOX122JjAe7irNxc.pdf> (дата обращения: 6.03.2019).

ресурсами мыслятся не федеральные инвестиции и оборотные средства, а средства самих губернских центров. Но тогда мы возвращаемся к тому, что развитие агломераций является проблемой не национальной, но региональных стратегий, тем более что такое развитие будет объективно укреплять статус городских агломераций в качестве вышеупомянутых черных дыр российского пространства. Последнее потребует специальных решений для каждого конкретного региона по рациональной организации своего экономического пространства.

Как отмечалось выше, стягивание экономической деятельности (а также инфраструктуры, социальных систем, населения) в города, и особенно крупнейшие городские агломерации, происходит без участия каких-либо стратегий. Оно будет происходить, даже если вдруг кто-то вознамерится провозгласить курс на деурбанизацию. Также и без каких-либо стратегических установок и механизмов в рамках инерционной конкуренции мест происходит расслоение между самими городскими агломерациями: все более ресурсы и потенциал для их генерирования стягиваются в мегаагломерации (Москва и Санкт-Петербург), в которых уже сейчас аккумулируется до трети совокупных инвестиционных ресурсов.

Что же добавляет стратегия пространственного развития в эти процессы? Очевидно, только одно — легитимизация на уровне государственной политики перераспределения ограниченных бюджетных ресурсов в пользу крупнейших городских агломераций, что должно привести к усилению пространственной асимметрии. То есть, фактически стратегия направлена на то, чтобы усилить свертывание экономической деятельности в пространстве в части агломерационных эффектов, которое развивается как процесс объективной концентрации, еще и за счет механизмов централизации.

То существенное, что может и должна добавить к автономному процессу пространственного развития стратегия, в части агломерационных полюсов заключается в определении механизма и форм создания периферических зон концентрированной экономической деятельности, тяготеющих к крупным городским агломерациям, в пределах которых может происходить интенсивный обмен деятельностью и ресурсами и взаимодействие которых может служить каркасом (институциональной, инфраструктурой) единого экономического пространства.

4. Территориальные специализации

Теоретически специализация региона в той или иной отрасли (производстве, виде деятельности) означает более высокий уровень ее (их) концентрации на этой территории по сравнению с некоторыми средними параметрами территориального распределения отраслей и видов деятельности. То есть отрасли (производство) специализации на данной территории имеют сравнительно более высокую долю выпуска продукции (услуг) в общем выпуске на этой территории по сравнению со средней долей в целом по национальной экономике (по данной отрасли в национальной экономике). Сам факт специализации уже означает сравнительно более высокую продуктивность сосредоточенных и вкладываемых в подобные производства (отрасли) ресурсов, потому что концентрация их на той или иной территории связана с наличием на этой территории относительных или абсолютных преимуществ. И наоборот, констатация наличия в том или ином регионе отраслей специализации равнозначна признанию наличия на этой территории тех или иных экономических преимуществ в данной отрасли или виде деятельности.

В рыночной (и даже квазирыночной, как в России) экономике рациональное поведение экономических агентов объективно приводит к концентрации экономических ресурсов именно в отраслях специализации, одновременно с использованием возможностей, предоставляемых спросом специализированного ядра на продукцию и услуги вспомогательного социально-экономического регионального комплекса (периферии). Какова в этом случае роль стратегического планирования на национальном уровне? Очевидно, она заключается в создании новых специализаций на определенных территориях и/или переформатировании сложившихся.

Казалось бы, этот подход реализован в СПР, в которой сформулирована задача развития перспективных экономических специализаций на базе как существующих, так и «потенциально эффективных отраслей»¹. Однако приведенный в Стратегии перечень экономических специализаций² представляет собой простое

¹ Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года. Утв. расп. Правительства Российской Федерации от 13 февр. 2019 г. № 207-р. С. 18 [Электронный ресурс]. URL: <http://static.government.ru/media/files/UVA1qUtT08o60RktoOX122JjAe7irNxc.pdf> (дата обращения: 6.03.2019).

² Там же. Прил. 1 [Электронный ресурс]. URL: <http://static.government.ru/media/files/UVA1qUtT08o60RktoOX122JjAe7ir>

перечисление видов деятельности, статистически наблюдаемых на тех или иных территориях без какого-либо объяснения причин их приравнивания к экономическим специализациям регионов.

Пренебрежение традиционным анализом территориальных специализаций, в основании которого лежит сравнительно большая концентрация в отдельных регионах тех или иных производств (отраслей) (по сравнению с некими средними по отрасли и национальной экономике показателями [5, 23–27]) без указания на какие-либо иные критерии выделения специализаций приводит к недоразумениям. Например, только 12 субъектов РФ не имеют специализации «туризм» в перечне «стратегических специализаций». Практически для всех регионов специализирующимися оказались такие «отрасли», как «деятельность профессиональная, научная и техническая», «транспортировка и хранение», почти все субъекты РФ, оказывается, специализируются на производстве «прочих готовых изделий».

Даже если предположить, что перечисленные в СПР «специализации» являются действительно перспективными, то остается открытым вопрос о том, каковы специализации, подлежащие переформатированию? В любом случае экономическая специализация регионов — чрезвычайно инерционная система [11], которую совершенно нереально принципиально изменить до 2025 г. В лучшем случае, очевидно, речь может идти о перечне видов деятельности, совокупность которых обеспечивает основной вклад в признаваемый наиболее важным показатель на данной конкретной территории. Вклад этот по умолчанию определяется текущими параметрами, что практически исключает возможность определения «перспективных специализаций» без решения задачи глобальной территориально-отраслевой оптимизации с явным учетом прогноза вектора национальных и глобальных потребностей и прогноза научно-технологического дрейфа. Как известно, даже слабый аналог подобной глобальной задачи, каковой являлся модельный комплекс СМОТР [28], даже в условиях централизованного планирования потребностей и производства не мог быть реализован. А в стратегии пространственного развития до 2025 г. подобной задачи даже не формулируется.

5. Полюсы роста и пространственная организация экономики

Основанная на, казалось бы, вполне прогрессивных, широко обсуждаемых и используемых в мировой науке и глобальной экономической практике идеях поляризованного развития и экономической конвергенции концепция Стратегии пространственного развития до 2025 г. содержит фатальную ловушку, коренящуюся в пренебрежении объективным противоречием двух основных целей, декларируемых Стратегией — подавления пространственного неравенства и максимизации продуктивности применяемых факторов производства (см. выше). Это противоречие отнюдь не является антагонистическим, но тем не менее положенная в основу стратегии логическая конструкция представляется неоднозначной.

Как отмечалось выше, не только географическое, но и социально-экономическое пространство объективно неоднородно вследствие фундаментальных различий в размерах производства и капитала, асимметричности информации, доступной для экономических агентов и используемой ими при принятии решений, объективных различий качества и количественных пропорций применяемых факторов производства, продуктивности и доходов. Все это приводит к одновременному функционированию в пространственных системах доминирующих (ведущих) и подчиненных (ведомых) экономических агентов [21]. Результатом является деформация экономического пространства и формирование полюсов роста вокруг ведущих экономических агентов [29, 30].

То есть в качестве полюсов роста выступают наиболее эффективные и быстрорастущие производства (пропульсивные отрасли), реализующие эффекты масштаба, обеспечивающие максимальную производительность и генерирующие инновации и инновационную среду. Эти эффекты транслируются через экономические связи, формирующиеся в пределах определенного пространства, в направлении других отраслей и производств, генерируя у них всю совокупность или какие-то отдельные элементы этих эффектов. Экономическая экспансия пропульсивных отраслей и производств в пространственную экономическую структуру стимулирует увеличение масштабов и скорости роста всей экономической структуры в данном пространстве, формируя условия общего роста эффективности применяемых факторов производства.

С точки зрения общей макроэкономики (и только при допущении наличия совершенной конкуренции) экономические агенты действуют самостоятельно, руководствуясь только соотношением цены и издержек на соответствующем отраслевом рынке. Но в условиях поляризованного пространства прямое или косвенное принуждение, исходящее из «полюса», заставляет экономических агентов вести себя как часть единого, системно организованного целого [21], отношения конкуренции в значительной степени модифицируются в отношении сотрудничества [31].

Это «целое» (макроединица по терминологии Ф. Перру) представляет собой субпространство, отличающееся от множества иных субпространств, каждое из которых характеризуется наличием своего полюса роста и специфическими отношениями кооперации и доминирования внутри него. То есть пространство трактуется как некая совокупность поляризованных подпространств (субпространств), каждое из которых в общем случае может обладать своим собственным состоянием равновесия, а общее равновесие экономической системы тогда определяется равновесием в каждом из субпространств.

Особенностью российского пространства является не просто его фрагментированность, а наличие трех типов территорий (зон): с высоким уровнем концентрации населения и экономической деятельности, с их крайне низкой концентрацией и экстремальными для проживания и экономической активности [8]. Экономические полюсы сформировались и развиваются в пределах всех трех типов территорий, причем они распределены в пространстве очень неравномерно, что создает основу для стабильного расширенного воспроизводства отношений неравенства.

Сами эти полюсы, в свою очередь, также характеризуются крайней неоднородностью и разнообразием. В пределах зоны 1 они представляют собой:

- крупные и крупнейшие городские агломерации индустриального и постиндустриального типа;
- средне- и малоразмерные городские хозяйственные центры промышленного и сервисного типа;
- промышленные и промышленно-аграрные кластеры;
- территориально-производственные комплексы и промышленные зоны различной размерности и специализации.

В пределах зон 2 и 3:

— территориально-производственные комплексы и промышленные районы и зоны, специализирующиеся на добыче и переработке минерально-сырьевых и биологических ресурсов;

— малоразмерные города и поселки, промышленной и сервисной специализации, обслуживающие ресурсные ТПК.

Это гораздо более сложная структура поляризованного пространства, нежели провозглашение полюсами роста городов с определенной численностью населения.

Упрощение сложной структуры поляризованного российского пространства проявляется как отнесение минерально-сырьевых центров не к проблематике поляризованного развития, а к задаче сокращения уровня межрегиональной дифференциации¹. Между тем, концентрированные центры экономического развития в районах добычи и переработки минерально-сырьевых ресурсов в условиях «разреженных пространств», когда речь идет не только об оптимальной организации сформированных рыночных зон, но также о формировании новых зон на базе вновь формируемых центров производства, являются конституирующими структуру экономического пространства полюсами роста.

Эти центры формируются в соответствии с идеологией энерго-производственных циклов (ЭПЦ) в форме территориально-производственных комплексов (ТПК), в основе которых лежит идея не «главного города», но «главной технологии», и представляют собой полюсы роста для крупных экономических районов или, в терминологии А. Лёша, «центральные места» рыночных зон, а фактически «полюсы роста», развивавшиеся в пределах сразу нескольких крупных экономических районов, что, конечно, плохо согласуется с требованием «повышения конкурентоспособности» каждого отдельного субъекта Федерации.

Ясное представление о реальной сложности и неоднородности структуры российского пространства является необходимым условием при оценке также такого основополагающего для стратегии до 2025 г. направления, как ликвидация инфраструктурных ограничений и «сжатие» пространства за счет повышения доступности и качества магистральной транс-

¹ Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года. Утв. расп. Правительства Российской Федерации от 13 февр. 2019 г. № 207-р. С. 15, 19 [Электронный ресурс]. URL: <http://static.government.ru/media/files/UVA1qUfT08o60RktoOXl22JjAe7irNxc.pdf> (дата обращения: 6.03.2019).

портной, энергетической и информационно-телекоммуникационной инфраструктуры федерального значения¹.

Особенности российского пространства существенно ограничивают возможности уплотнения экономического и социального пространства посредством реализации мегапроектов по развитию магистрального транспорта, что связано как с масштабами физического пространства, так и с фрагментированностью и поляризованностью пространства экономического. Поэтому мегапроекты по строительству магистральных скоростных железных и автомобильных дорог не имеют непосредственного отношения к «сжатию» пространства как элементу пространственной стратегии. Разумно рассматривать лишь создание скоростных транспортных коридоров в пределах потенциальных агломерационных зон в поясе концентрированного расселения и экономической деятельности.

Правда, и такая транспортная инфраструктура сама по себе без серьезных институциональных преобразований вплоть до перехода к горизонтальным схемам регулирования в ущерб вертикальному управлению не гарантирует «сжатия» пространства и, тем более, формирования реальной агломерационной зоны на базе мегаполисов. Не гарантирует она и преодоления фрагментарности пространства, точно так же, как строительство магистральных «всероссийских» по масштабу скоростных дорог может обеспечить уплотнение зоны агломерационного развития только в случае увеличения количества крупных городских агломераций, что вряд ли реально при данной численности населения.

Критически важным для национальной стратегии пространственного развития является фундаментальное противоречие между явно провозглашающей в СПР неоднородностью пространства и приверженностью по умолчанию к унифицированности институциональной среды. Однако институциональная однородность может играть позитивную роль только в случае гомогенных в физическом, экономическом и социально-гуманитарном отношении пространств. В противном случае она провоцирует формирование многочисленных институциональных ловушек и узлов социальной и экономической напряженности. В общем случае степень разнообразия институциональной среды, в которой функционируют пространственно организованные экономические агенты, должна

быть не ниже степени разнообразия самого экономического пространства. Правда, в тексте СПР отражены институциональные новации для Дальневосточного федерального округа² [32], но это является не более чем подменой пространственного разнообразия особенностями геополитического целеполагания.

Реальная экономика, особенно экономика, функционирующая в больших и неоднородных пространствах, сочетает разнообразные типы и фазы развития. Стратегическое искусство как раз и заключается в том, чтобы максимально использовать преимущества, предоставляемые неоднородностью самого пространства и богатством форм его организации.

Заключение

Стратегия пространственного развития РФ до 2025 г. в некотором смысле является попыткой использования инструментов государственного регулирования в условиях, когда восстановление централизованного государственного планирования советского типа невозможно, но и созданная в России модель псевдорынка плохо функционирует без определенного централизованного воздействия ресурсного и институционального характера. В 2002–2007 гг. на фоне мягких ограничений федерального бюджета государство было способно достигать им самим поставленных макроэкономических целей, в том числе и в экономике, за счет государственных же ресурсов. Это создало иллюзию всемогущества государственного регулирования, которая развеялась после кризиса 2009 г., и ее место заняла убежденность в реализуемости государственных макроэкономических намерений на базе социально-экономического дирижизма в пространственном аспекте.

Однако принятая в качестве универсальной платформы концепция полюсов роста, породивших нарастающий «эффект агломерации» имеет фундаментальные ограничения не только в конструировании оптимальной пространственной организации экономики и общества, но и с точки зрения воздействия на основные макроэкономические и социальные параметры.

Оказывается, стремление к повышению продуктивности использования ресурсов и

¹ Там же. С. 8.

² Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года. Утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 13 февраля 2019 г. № 207-р. С. 25–27 [Электронный ресурс]. URL: <http://static.government.ru/media/files/UVA1qUfT08o6RktoOX122JjAe7irNxc.pdf> (дата обращения: 6.03.2019).

ускорению темпов экономического развития посредством «замыкания» экономической деятельности в рамках «полюсов роста» неизбежно приводит к нарастанию социально-экономической неоднородности пространства, что либо блокирует эффекты концентрации и агломерации, либо приводит к фундаментальному разрыву единого экономического и социального пространства. Следовательно, необходима тонкая настройка взаимодействия макро-, микроэкономических и пространственных эффектов. Возможна ли такая настройка в рамках единого центра принятия решений? Опыт построения единого планового центра оказался отрицательным, нет никаких доказательств того, что новая попытка выстроить универсальный механизм согласования территориального и макроэкономического равновесия окажется успешным.

Некоторый шанс на успех мог бы дать перенос акцента с определения «оптимальных»

параметров, проектов и индикаторов на формулирование и финансирование поведенческих стимулов. Но в этом случае в основе выработки таких стимулов должна лежать ясная и однозначная система целей, то есть непротиворечивая пространственная политика государства. Сложность такого подхода, очевидно, и является причиной отказа разработчиков стратегий пространственного развития проводить какие-либо параллели между стратегией и политикой [2]. Однако вряд ли представляющие собой набор пожеланий стратегии смогут заменить государственную политику, направленную на синхронизацию центростремительных (пространственная концентрация) и центробежных (распространение эффектов концентрированного размещения ресурсов в пространстве) эффектов социально-экономического развития, а также на продуцирование приоритетов и ограничений развития отдельных территорий.

Список источников

1. Зубаревич Н. В. Стратегия пространственного развития. Приоритеты и инструменты // Вопросы экономики. — 2019. — № 1. — С. 135–145. — DOI: 10.32609/0042-8736-2019-1-135-145.
2. Кузнецова О. В. Проблемы выбора приоритетов пространственного развития // Вопросы экономики. — 2019. — № 1. — С. 146–157. — DOI: 10.32609/0042-8736-2019-1-146-157.
3. Минакир П. А., Джурка Н. Г. Методологические основания пространственных исследований в экономике // Вестник Российской академии наук. — 2018. — Т. 88, № 7. — С. 589–598. — DOI: 10.1134/S1019331618040044.
4. Perroux F. Economic Space Theory and Application // The Quarterly Journal of Economics. — 1950. — V. 64, № 1. — P. 89–104.
5. Изард У. Методы регионального анализа. Введение в науку о регионах. — М.: Прогресс, 1966. — 659 с.
6. Гранберг А. Г., Сулов В. И., Суспицын С. А. Многорегиональные системы. Экономико-математическое исследование. — Новосибирск: Сибирское научное издательство, 2007. — 371 с.
7. Krugman P. R. Geography and Trade. — Cambridge (Mass.), 1991.
8. Minakir P. A. Spatial Interdisciplinary Synthesis: Experience of Policy Studies // Regional Research of Russia. — 2015. — Vol. 5. — P. 299–309. — DOI: 10.1134/S2079970515040115.
9. Зубаревич Н. В., Сафронов С. Г. Неравенство социально-экономического развития регионов и городов России 2000-х годов. Рост или снижение? // Общественные науки и современность. — 2013. — № 6. — С. 15–26.
10. Михеева Н. Н. Анализ дифференциации социально-экономического положения российских регионов // Проблемы прогнозирования. — 1999. — № 5. — С. 91–102.
11. Пространственные трансформации в российской экономике / Под ред. П. А. Минакира. — М.: Экономика, 2002. — 424 с.
12. Лавровский Б. Л., Шильцин Е. А. Российские регионы. Сближение или расслоение? // Экономика и математические методы. — 2009. — Т. 45, № 2. — С. 31–36.
13. Морошкина М. В. Межрегиональная дифференциация российских регионов. Тенденции и перспективы сближения. // Теоретическая и прикладная экономика. — 2018. — № 3. — С. 48–60. — DOI: 10.25136/2409-8647.2018.3.18700.
14. Martin P. The Geography of Inequalities in Europe // Swedish Economic Policy Review. — 2005. — № 12. — P. 83–108.
15. World Development Report 2009 // Reshaping Economic Geography. — World Bank, 2009. — 410 p.
16. Минакир П. А. Системные трансформации в экономике. — Владивосток: Дальнаука, 2001. — 536 с.
17. Лёш А. Географическое размещение хозяйства. — М.: Иностранная литература, 1959. — 455 с.
18. Колосовский Н. Н. Производственно-территориальное сочетание (комплекс) в советской экономической географии // Вопросы географии. — М.: Географгиз. — 1947. — Сб. 6. — С. 133–168.
19. Маршалл А. Принципы политической экономии: пер. с англ. Т. II. — М.: Прогресс, 1984. — 311 с.
20. Портер М. Е. Кластеры и конкуренция // Портер М. Е. Конкуренция. — М.: Вильямс, 2005. — С. 274–276.

21. Минакир П. А. Стратегия пространственного развития» в интерьере концепций пространственной организации экономики // Пространственная экономика. — 2018. — № 4. — С. 8–20. — DOI: 10.14530/se.2018.4.008-020.
22. Экономическое районирование России. Доклад Госплана III сессии ВЦИК. — М.: Изд-во ВЦИК, 1922. — 83 с.
23. Пробст А. Е. Размещение социалистической промышленности. Теоретические очерки. — М.: Экономиздат, 1962. — 340 с.
24. Розенфельд Ш. Л. Определение уровней развития промышленности в районах. — М.: Изд-во экономической литературы, 1963 — 139 с.
25. Розенфельд Ш. Л. Методология выравнивания уровней развития экономических районов СССР. — М.: Экономика, 1969. — 173 с.
26. Теленко Л. Н. Уровни экономического развития районов СССР. — М.: Экономика, 1971. — 207 с.
27. Кистанов В. В. Комплексное развитие и специализация экономических районов СССР. — М.: Наука, 1968. — 283 с.
28. Баранов Э. Ф. О методических вопросах построения моделей согласования отраслевых и территориальных решений // Экономика и математические методы — 1981. — № 5. — С. 873–889.
29. Перру Ф. Экономическое пространство. Теория и приложения // Пространственная экономика. — 2007. — № 2. — С. 77–93.
30. Perroux F. L'économie du XXe siècle. — Paris: Presses Universitaires de France, 1961. — 598 p.
31. Полтерович В. М. К общей теории социально-экономического развития. Ч. 2. Эволюция механизмов координации // Вопросы экономики. — 2018. — № 12. — С. 77–102.
32. Изотов Д. А. Дальний Восток. Новации в государственной политике // ЭКО. — 2017. — № 4. — С. 27–44.

Информация об авторе

Минакир Павел Александрович — академик РАН, доктор экономических наук, профессор, научный руководитель Института экономических исследований ДВО РАН; Scopus Author ID: 55647101900; ORCID: 0000-0002-5451-5662; Researcher ID: K-1507-2018 (Российская Федерация, 680042 г. Хабаровск, ул. Тихоокеанская, 153; e-mail: minakir@ecrin.ru).

For citation: Minakir, P. A. (2019). Russian Economic Space: Strategic Impasses. *Ekonomika regiona [Economy of region]*, 15(4), 967-980

P. A. Minakir

Economic Research Institute of Far Eastern Branch of RAS (Khabarovsk, Russian Federation; e-mail: minakir@ecrin.ru)

Russian Economic Space: Strategic Impasses

In 2014, the Russian government adopted a law on strategic planning. In the period from 2015 to 2017, regional development strategies were shaped in accordance with this law. Further, in the period from 2018 to 2019, the government has been developing the national strategy of spatial development, which is clashing with both regional strategies and fundamental principles of the economic theory of spatial development. The article considers the set of such conflicts and assesses their possible consequences. I use the method of comparative analysis, examining how special (for Russian conditions) and theoretical models of spatial development respond to the decisions proposed by the strategy. The strategy includes various concepts that aim to maximize agglomeration effects, identify priority regions, create homogeneous macro-regions, suppress economic and social heterogeneity, and maximize the regions' competitiveness. I demonstrate that in the strategy, none of the concept's fragments achieve the proposed decisions correlating with canonical theoretical concepts (the concept of placement of firms and industries, models of spatial development and growth, concepts of spatial diversity and inequality, principles and forms of regional state policy). The strategy identifies the directions of spatial development, which formally correspond to the traditional theoretical models of regional development. However, these directions either are implemented within the inertial development of the spatial system of the Russian Federation, or are modified according to Russian economic and geographical space, while the strategy does not consider these modifications. This leads to a conflict between the goals declared in the strategy and the real problems of the Russian economic space's functioning in terms of socio-economic inequality, and maximized effects of agglomeration, regional rents, and the regions' competitiveness. Additionally, I pay particular attention to the problem of shaping the target for strategic spatial planning. The paper has demonstrated that a productive strategy is possible in case of considering the economic space as a system of economically interacting regions, and not an additive set of administrative regions.

Keywords: strategy, concepts, theory, regional policy, space, regions, agglomerations, specialisation, trunk transport, growth pole, goals, fundamental conflict

References

1. Kuznetsova, O. V. (2019). Problemy vybora prioritetrov prostranstvennogo rasvitiya [Trade-offs of spatial development priorities choice]. *Voprosy Ekonomiki*, 1, 146–157. DOI: 10.32609/0042-8736-2019-1-146-157. (In Russ.)
2. Zubarevich, N. V. (2019). Strategiya prostranstvennogo rasvitiya: priority i instrumenty [Spatial development Strategy: Priorities and instruments]. *Voprosy Ekonomiki*, 1, 135–145. DOI: 10.32609/0042-8736-2019-1-135-145. (In Russ.)

3. Minakir, P. A. & Dzhurka, N. G. (2018). Metodologicheskie osnovaniya prostranstvennykh issledovaniy v ekonomike [The Methodological Foundations of Spatial Studies in Economics]. *Vestnik Rossiyskoy Akademii Nauk [Herald of the Russian Academy of Sciences]*, 88(4), 281–288. DOI: 10.1134/S1019331618040044 (In Russ.)
4. Perroux, F. (1950). Economic Space Theory and Application. *The Quarterly Journal of Economics*, 64(1), 89–104.
5. Izard, U. (1966). *Metody regionalnogo analiza: vvedenie v nauku o regionakh [Methods of the regional analysis: introduction to science about regions]*. Moscow: Progress, 659. (In Russ.)
6. Granberg, A. G., Suslov, V. I. & Suspitsyn, S. A. (2007). *Mnogoregionalnye sistemy: ekonomiko-matematicheskoe issledovanie [Multiregional systems: economic and mathematical research]*. Novosibirsk: Siberian Scientific Publishing, 371. (In Russ.)
7. Krugman, P. R. (1991). *Geography and Trade*. Cambridge: MIT Press.
8. Minakir, P. A. (2015). Spatial Interdisciplinary Synthesis: Experience of Policy Studies. *Regional Research of Russia*, 5, 299–309.
9. Zubarevich, N. V. & Safronov, S. G. (2013). Neravenstvo sotsialno-ekonomicheskogo razvitiya regionov i gorodov Rossii 2000-kh godov: rost ili snizhenie? [The Inequality of Social and Economic development of Regions and Cities of Russia of the 2000s: Growth or Decline?]. *Obshestvennye nauki i sovremennost [Social Sciences and Contemporary World]*, 6, 15–26. (In Russ.)
10. Mikheeva, N. N. (1999). Analiz differentsiatsii sotsialno-ekonomicheskogo polozheniya rossiiskikh regionov [Analysis of Interregional Inequality in Russia]. *Problemy prognozirovaniya [Studies on Russian Economic Development]*, 10(5), 514–521. (In Russ.)
11. Minakir, P. A. (Ed.). (2002). *Prostranstvennye transformatsii v rossiiskoi ekonomike [Spatial Transformation in Russian Economy]*. Moscow: Ekonomika, 424. (In Russ.)
12. Lavrovsky, V. L. & Shiltsin, E. A. (2009). Rossiyskie regiony: sblizhenie ili rassloenie? [Russian Regions: Leveling or Stratification?]. *Ekonomika i matematicheskie metody [Economics and mathematical Methods]*, 45(2), 31–36. (In Russ.)
13. Moroshkina, M. V. (2018). Mezhhregionalnaya differentsiatsiya rossiyskikh regionov: tendentsii i perspektivy sblizheniya [Interregional differentiation of the Russian regions: problem of convergence and divergence]. *Teoreticheskaya i prikladnaya ekonomika [Theoretical and applied economics]*, 3, 48–60. DOI: 10.25136/2409-8647.2018.3.18700 (In Russ.)
14. Martin, P. (2005). The Geography of Inequalities in Europe. *Swedish Economic Policy Review*, 12, 83–108.
15. *World Development Report*. (2009). Reshaping Economic Geography. World Bank, 410.
16. Minakir, P. A. (2001). *Sistemnye transformatsii v ekonomike [System Transformations in Economy]*. Vladivostok: Dalnauka, 536. (In Russ.)
17. Lösch, A. (1959). *Geograficheskoe razmeshchenie khozyaystva [The Economics of Location]*. Moscow: Foreign Literature, 455. (In Russ.)
18. Kolosovskiy, N. N. (1947). Proizvodstvenno-territorialnoe sochetanie (kompleks) v sovetskoy ekonomicheskoy geografii [The Territorial-Production Combination (Complex) in Soviet Economic Geography]. *Voprosy Geografii [Problems of Geography]*, 6, 133–168. (In Russ.)
19. Marshall, A. (1984). *Printsipy politicheskoy ekonomii [Principles of Economics]*. Trans. from English. Moscow: Progress, 311 (In Russ.)
20. Porter, M. E. (2005). Klastery i konkurentsia [Clusters and Competition]. In: *M. E. Porter, Konkurentsia [On Competition]* (pp. 274–276). Moscow: Williams. (In Russ.)
21. Minakir, P. A. (2018). “Strategiya prostranstvennogo razvitiya” v interere kontseptsiy prostranstvennoy organizatsii ekonomiki [Spatial Development Strategy: A View from the Concepts of Spatial Organization in the Economy]. *Prostranstvennaya Ekonomika [Spatial Economics]*, 4, 8–20. DOI: 10.14530/se.2018.4.008-020. (In Russ.)
22. *Ekonomicheskoe rayonirovanie Rossii (doklad Gosplana III sessii VTSIK) [Economic zoning of Russia]*. (1922). Moscow: The publishing house “VTSIK”, 83. (In Russ.)
23. Probst, A. E. (1962). *Razmeshchenie sotsialisticheskoy promyshlennosti (teoreticheskie ocherki) [Placement of socialist industry (theoretical essays)]*. Moscow: Econompubl, 340. (In Russ.)
24. Rosenfeld, Sh. L. (1963). *Opreделение urovney razvitiya promyshlennosti v rayonakh [Determining the levels of industrial development in the regions]*. Moscow: Publishing House of Economic Literature, 139. (In Russ.)
25. Rosenfeld, Sh. L. (1969). *Metodologiya vyravnivaniya urovney razvitiya ekonomicheskikh rayonov SSSR [Methodology of leveling the development levels of the economic regions in the USSR]*. Moscow: Publishing House of Economy, 173. (In Russ.)
26. Telepko, L. N. (1971). *Urovni ekonomicheskogo razvitiya rayonov SSSR [Levels of economic development of the regions in the USSR]*. Moscow: Publishing House of Economy, 207. (In Russ.)
27. Kistanov, V. V. (1968). *Kompleksnoe razvitie i spetsializatsiya ekonomicheskikh rayonov SSSR [Integrated development and specialization of the economic regions of the USSR]*. Moscow: The publishing house “Science”, 283. (In Russ.)
28. Baranov, E. F. (1981). O metodicheskikh voprosakh postroeniya modeley soglasovaniya otraslevykh i territorialnykh resheniy [On methodological issues of building models for the coordination of industry and territorial decisions]. *Ekonomika i matematicheskie metody [Economics and mathematical Methods]*, 5, 873–889. (In Russ.)
29. Perroux, F. (2007). Ekonomicheskoe prostranstvo: teoriya i prilozheniya [Economic Space: Theory and Applications]. Trans. from English. *Prostranstvennaya Ekonomika [Spatial Economics]*, 2, 77–93. (In Russ.)

30. Perroux, F. (1961). *L'économie du XXe siècle*. Paris: Presses Universitaires de France, Deuxième partie «Les pôles de croissance», 598.

31. Polterovich, V. M. (2018). К общей теории социально-экономического развития. Часть 2. Эволюция механизмов координации [Towards a general theory of socio-economic development. Part 2. Evolution of coordination mechanisms]. *Voprosy Ekonomiki*, 12, 77–102. DOI: 10.32609/0042-8736-2018-12-77-102. (In Russ.)

32. Izotov, D. A. (2017). Dalniy Vostok: novatsii v gosudarstvennoy politike [The Current Government Decisions for Economic Development of the Russian Far East: a Critical View]. *EKO [ECO]*, 4(514), 27–44. (In Russ.)

Author

Pavel Aleksandrovich Minakir — Member of RAS, Doctor of Economics, Professor, Research Supervisor of the Economic Research Institute of Far Eastern Branch of RAS; Scopus Author ID: 55647101900; ORCID: 0000-0002-5451-5662; Researcher ID: K-1507-2018 (153, Tikhookeanskaya St., Khabarovsk, 680042 Russian Federation; e-mail: minakir@ecrin.ru).